

УДК 016(510)

С. А. Комиссаров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

О ЗНАЧЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ БИБЛИОГРАФИИ

Рецензия на книгу:

Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководства для изучающих язык и культуру Китая / Под ред. Б. Л. Рифтина; отв. сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН, 2010. 504 с.

Позволю себе небольшое предуведомление, поскольку написание этой заметки далось мне не очень непросто. Первым импульсом послужило искреннее желание очередной раз восславить априорно высокоценное произведение В. М. Алексеева, а также воздать должное редакторскому коллективу, которому удалось донести до читателя важную часть из ранее не публиковавшегося наследия великого ученого, пietet к творчеству которого лежит в основе читаемых мной курсов (см., например: [Проблема..., 2009]). Однако чем больше я вчитывался в текст книги, тем больше возникало вопросов и возражений. Признаюсь, даже заочный спор с признанным классиком потребовало немалого мужества¹. Завершение рецензии постоянно откладывалось, да и назначение ее оказалось не столь очевидным. Тем не менее я решил предложить полученный результат к публикации, чтобы обсудить ряд важных, на мой взгляд, историографических проблем, и разделил весь текст на три раздела.

1. Научная значимость и практическая польза издания данной книги.
2. Оценка В. М. Алексеевым отдельных авторов и изданий.
3. Деятельность редакционного коллектива.

Значение библиографии для научной деятельности общепризнано и не нуждается в дополнительных обоснованиях. В синологии она приобретает особую важность благодаря специфике как китайского языка, так и китайской культуры. Писание бесконечных «замечаний на примечания» было излюбленным занятием интеллектуалов Поднебесной на протяжении многих столетий. Название типа «Индекс к справочникам по каталогам предисловий к канонам», не имеющее смысла в иных научных традициях, смотрится вполне обычным в китаеведении и может даже вызвать немалый интерес. Причем длительность и массовость письменной традиции превращают всю совокупную литературу о Китае в подобие необозримого моря, где «воды огромные, воды безмерные, воды обширные, воды повсюду... Десятки тысяч верст необозримых вод!..»².

Возникает видимое противоречие. С одной стороны, перефразируя популярное некогда ленинское высказывание, нельзя стать настоящим китаеведом, пока не обогатишь себя всем

¹ При этом вдруг обнаружилось, что излагать критические замечания в отношении корифея науки получается только от первого лица, не прячась за спасительное «мы».

² Му Хуа. Море (пер. В. Алексеева) [Алексеев, 1978. С. 550].

предшествующим опытом человечества, а с другой – согласно еще одному классическому афоризму, нельзя объять необъятное! Не утонуть в этом море «культурного избытка» (очень точный термин акад. Алексеева [1978. С. 63]) и помогает историография, которая объединяет и оценивает целые школы и направления, донося до нас самые важные идеи и методы, одновременно отсеивая и перенося в примечания второстепенные. Эту задачу, причем применительно ко всей синологии в целом³, и пытался решить в своей разработке В. М. Алексеев. С самого начала она задумывалась как книга обучающая, с целью «сделать начинающего китаиста вполне работоспособным и зрелым, сделать это планомерно и с расчетом на самостоятельность работы читателя...» [Алексеев, 2010. С. 16]⁴. Поэтому логика изложения соответствует логике обучения с выделением вводного, основного и синологического циклов. Обрушивать эту монументальную конструкцию на современных студентов, пусть даже блестяще сдавших ЕГЭ, было бы не гуманно, но для тех, кто избрал стезю научного китаеведения (аспирантов, докторантов), «Рабочая библиография» должна войти в список обязательной литературы.

Стремясь придать своей книге максимально обобщающий характер, востребованный китаистами разных профилей, акад. Алексеев наибольшее внимание уделяет справочно-библиографическим изданиям, энциклопедиям и словарям, описывая целые серии книг и индексы к ним.

В настоящее время многие (и не только студенты) полагают, что любую справку можно получить в Интернете, поэтому время печатных изданий прошло. Информационные возможности Сети действительно безграничны, однако надежность полученных фактов, как правило, требует многократной проверки. Любой факт или иероглиф – не итог, а лишь начало работы. Это одна из главных заповедей классической историографии, которую представляет книга В. М. Алексеева, еще в малой степени усвоена только формирующейся историографией электронной. Не раз приходилось с сожалением констатировать, как многие студенты, ориентированные на автоматический поиск и готовый результат, оказывались полностью беспомощными в применении элементарного анализа, шаг в сторону приводит почти к трагедии.

Глобальная информатизация придает «Рабочей библиографии» еще одно важное современное измерение. Раньше сведения о книжных собраниях в иностранных библиотеках носили для российских ученых в значительной степени платонический характер, поскольку воссоединиться с объектом своего интереса удавалось немногим. Сейчас же во многих странах и регионах (особенно на Тайване) идет активный перевод классических библиотек в цифровую форму, доступную для использования в Сети. Поэтому знание точного библиографического описания помогает быстро получить необходимые книги.

Очень современно и актуально звучат мысли акад. Алексеева о «неизбежной ограниченности аудиторного преподавания» (С. 74) и необходимости внедрения НОТ в работу китаиста. В рамках нынешнего курса на приоритетное развитие вузовской науки, уверен, будет востребован его «проект синологических лабораторий» (С. 149).

Вообще, книга В. М. Алексеева содержит, что называется, *passim* множество интересных идей и высказываний, которые просто обречены быть разобранными на цитаты в различные программы, сводные и обобщающие лекции. Так, полагаю, сочувствие у специалистов вызовет категорическое утверждение о том, что «ученых-китаистов без знания китайского языка как рабочего подспорья... не существует и существовать не может» (С. 73). Казалось бы, в связи с массовым распространением изучения китайского в последние два десятилетия проблема утратила свою остроту. Однако, как оказалось, плохо выученный язык лишь усложняет ситуацию, поскольку создает у недоученных ощущение некоей научной потенции, реально отсутствующей. Веско звучит мнение акад. Алексеева по поводу того, что начинающим китаистам «английский язык необходим не менее китайского» (С. 150). Сейчас данный вопрос успешно решается, но, к сожалению, в значительной степени за счет утраты других европейских языков, которыми столь блестяще владело старшее поколение.

³ Реально – все же с определенными ограничениями (в области экономики, права, социологии и политологии, военного дела), связанными с интересами самого акад. Алексеева.

⁴ Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

Особая признательность академику от всех моих коллег-археологов за следующую замечательную максиму: «Археология, будучи наукой о стране, идет долго вперед и дает идти вперед истории» (С. 196). Ведь не случайно он был избран в 1911 г. членом-соревнователем Российского археологического общества.

Можно было бы и дальше, приводя прекрасные цитаты, оттягивать переход ко второй, критической части, но избежать этого раздела совсем, увы, нельзя. Можно сказать, что недостатки работы В. М. Алексеева являются продолжением ее достоинств. Уверенность в своих суждениях, часто вполне оправданная, приводит его к излишней категоричности. Похоже, академик считал, что ему должны верить на слово, а мелочной доказательной работой иной раз можно себя и не обременять.

Главный упрек признанному классику – в пристрастном отношении к трудам своих коллег, которому не достает, как ни странно это звучит, именно историографического подхода. Оценивая ту или иную работу, В. М. Алексеев часто делает это вне контекста развития синологической науки. Объявляя книгу какого-либо автора устаревшей, он редко утруждает себя доказательствами такого приговора. Особенно досталось в этом отношении акад. Васильеву, пособия которого однозначно характеризуются как «совершенно нечитаемые и невозможные» (С. 51), к тому же «устарелые и абсолютно недостоверные» (С. 70). При этом Алексеев пытается сохранять объективность и, например, пишет «о продукции В. П. Васильева как о предтече новейших течений в синологии» (С. 117), однако тут же вновь возвращается к негативным характеристикам. Немногочисленные конкретные аргументы, которые им приводятся, вряд ли могут быть приняты в качестве таковых. Например, как образец заблуждения он приводит следующий пример из «Анализа китайских иероглифов» В. П. Васильева: «Можно научиться говорить языком одной местности, но не понимать или не быть понимаемым в другой близлежащей. Едва ли это различие, однако же, можно назвать наречием, потому что письменность для всех общая...» (С. 116). Думаю, что в справедливости высказывания первого академика (и, соответственно, предвзятости второго) мог убедиться каждый, кто сталкивался с диалектами относительно близлежащих Шэньяна и Даляня либо Нинбо и Шанхая и т. п. В. М. Алексеев неоднократно писал о том, что «неизданная продукция академика Васильева во многих статьях едва ли не ценнее изданий» (С. 117)⁵. Вот и понимай, то ли тем самым он похвалил рукописное, то ли еще раз обругал напечатанное.

Больше всего достается от акад. Алексеева преподавателям его *Alma mater*, Санкт-Петербургского университета. Он не нашел добрых слов для оценки преподавательской и методической деятельности того же В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, А. О. Ивановского, А. И. Иванова и весьма уничижительно отозвался о китайских «сяньшэнах» – т. е. именно тех, кто в очень непростых условиях поддерживал существование Восточного факультета (подробнее см.: [Дацышен, 2011. С. 72–85, 111–118; Янь Годун, 2012]), где получил базовое образование студент, а затем и молодой преподаватель Алексеев⁶.

Можно сказать, что нападки со стороны лучшего из выпускников отчасти спровоцировал сам акад. Васильев, который тоже нередко бывал слишком резок и не всегда справедлив в оценках, а перегруженность учебными занятиями действительно не давала ему возможности закончить многие из начатых работ. Однако и его гиперкритицизм, и излишняя широта тематики (тот самый «востоковедный универсализм», за который его упрекает В. М. Алексеев [1982. С. 62]) часто были вызваны необходимостью впервые разрабатывать многие важнейшие направления, создавать для них и методiku, и историографию (см.: [Васильев, 1974]). Так, его «Очерк истории китайской литературы» (1880) стал первой работой такого рода в мировой синологии. Хотя по мнению акад. Алексеева, он «неудобочитаем, а ныне и вовсе устарел» [2010. С. 49], однако вряд ли правильно отказываться от приоритета отечественной

⁵ Ту же мысль он повторил в докладе, посвященном 50-летию со дня смерти В. П. Васильева: «Самые крупные из трудов Василия Павловича (1850–1870) так и не увидели свет. Самое важное и самое ценное» [Алексеев, 1982. С. 66]. Возможно, В. М. Алексеев при этом уже заранее переживал за судьбу своего архива, в котором все больше накапливались неизданные рукописи. Но у него были преданные ученики, которые продолжили издание трудов Учителя. У акад. Васильева таких учеников не случилось.

⁶ Такое отношение тем более удивительно, что сам В. М. Алексеев был выдающимся педагогом, создавшим уникальную востоковедную школу, равной которой история мировой синологии не знает. Список его учеников – это своеобразная Аллея славы отечественного (и не только) Китаеведения (см.: [Тихвинский, 2005]).

науки. О востребованности наследия В. П. Васильева свидетельствует тот факт, что недавно был переиздан его словарь по графической системе [Васильев, 2010]; а «Очерки» переведены на китайский Янь Годуном и подготовлены к публикации сразу на двух языках. Нельзя согласиться также с бездоказательной критикой работ таких видных специалистов, как Г. Джайлз, В. Грубе, Э. Паркера, которые В. М. Алексеев [2010. С. 60], походя, называет «дилетантскими рассказами»⁷.

Впрочем, и похвалы акад. Алексеева столь же категоричны и потому часто безадресны. Так, полностью разделяя высокую оценку творчества Э. Шаванна и П. Пелльо (тем более, что оба они организовывали археологические экспедиции в Китай), я вряд ли соглашусь с тем, что их статья, посвященная исследованию манихейского трактата, подлежит «учету, библиографической и мнемонической обработке каждого китаиста» [Алексеев, 2010. С. 89]. Уверен, что специалисты по каменному веку Тайваня или, например, по современной китайской поэзии найдут образцы источниковедческого анализа, более близкие и соответственно полезные для собственной специализации.

Перечисленные недостатки сказываются на общем высоком уровне работы классика, который, тем не менее, остается классиком. Выход в свет его «Рабочей библиографии» восполнил лагуну, много лет существовавшую в отечественной историографии, в чем я вижу большую заслугу редакционной коллегии.

Известно, что хотя первый вариант книги был готов уже в 1920-е гг., а затем многократно переделывался и дополнялся, но даже полностью завершенная рукопись не могла найти свой путь к читателю. Очевидно, издателей отпугивали большой объем и сложность работы. На создание разных «изводов» уходило драгоценное время, при этом часть текстов оказалась утраченной. Из всех вариантов в печать просочился лишь реферат на треть странички, извещавший о том, что работа фактически закончена; «материалы доведены до 1941 г. и подлежат периодическим дополнениям» [Алексеев, 2003. С. 264]. Только с конца 1990-х гг., через 40 с лишним лет после смерти автора, появились реальные шансы на завершение этой бесконечной работы. В состав редколлегии вошли известные ученые, издатели, библиотечные работники: В. П. Леонов, С. М. Аникеева, Т. И. Виноградова, Н. В. Колпакова, Л. Н. Меньшиков, К. Э. Хмелевский, О. Г. Юдахина. Каждый из них внес заметный вклад в подготовку и продвижение книги к публикации. Так, огромную работу выполнил проф. Л. Н. Меньшиков, который сопоставил различные варианты рукописи и соединил их в единый текст.

Особой строкой следует выделить деятельность Б. Л. Рифтина, не только осуществившего научное редактирование, но и написавшего, по сути, продолжение книги В. М. Алексеева: обзор библиографических и справочных изданий по синологии за последние 60–70 лет. Это фундаментальное сочинение занимает треть от всего объема книги (ок. 10 п. л.) и вполне могло выйти в свет отдельным изданием. Однако акад. Рифтин предпочел включить свой текст в состав «Рабочей библиографии», тем самым значительно ее дополнив и уточнив, максимально приблизив к современному читателю, сделав более востребованной в исследовательской и учебной практике. Студентом он слушал у В. М. Алексеева «Введение в китаеведение». И хотя лекции продолжались недолго, но он всегда считал акад. Алексеева своим духовным учителем, развивал традиции его школы в литературоведении и художественном переводе, был инициатором и активным участником издания многих работ из обширного алексеевского наследия. Здесь можно проследить формирование еще одного – очень верного – историографического направления в отечественном китаеведении: сохранение и введение в научный оборот всех идей и, по возможности, материалов, которые удалось собрать ушедшим учителям и коллегам⁸. Важнейшую роль в этом процессе сыграли труды акад. Б. Л. Рифтина.

⁷ Популярный обзор В. Грубе [2003] недавно переиздан, что само по себе доказывает его актуальность и дает возможность читателям самостоятельно оценить важность приводимых им сведений. Что касается одной из главных работ Э. Х. Паркера, то ее вновь издали через 100 лет [Parker, 1997], а в России за последнее десятилетие она не только выдержала несколько изданий (см., например: [Паркер, 2010]), причем в двух переводах, но и послужила основой для оживленной научной дискуссии.

⁸ В этом плане следует отметить «Очерки истории русского китаеведения» П. Е. Скачкова [1977], увидевшие свет благодаря усилиям его ученика, акад. В. С. Мясникова; изданные им же избранные труды М. И. Казина [2009]; собрание исследований по Древнему Китаю К. В. Васильева [1998], подготовленное к печати группой

Завершая свою затянувшуюся (поневоле) рецензию, хочу еще раз воздать должное всему редакционно-издательскому коллективу, который сделал достоянием заинтересованного читателя эту очень полезную, рабочую книгу, поучительную даже в недостатках.

Список литературы

- Алексеев В. М.* Китайская литература: Избр. тр. / Сост. М. В. Баньковская. М.: ГРВЛ, 1978. 595 с.
- Алексеев В. М.* Академик В. П. Васильев: Замечания по поводу научного творчества и наследия (К 50-летию со дня смерти) // Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. С. 56–67.
- Алексеев В. М.* Тр. по китайской литературе: В 2 кн. / Сост. М. В. Баньковская; под ред. Б. Л. Рифтина. М.: Вост. лит., 2003. Кн. 2. 511 с. (Классики отечественного востоковедения).
- Алексеев В. М.* Рабочая библиография китаиста: Книга руководства для изучающих язык и культуру Китая / Под ред. Б. Л. Рифтина; отв. сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН, 2010. 504 с.
- Васильев В. П.* Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого китайско-русского словаря: Репринтное изд-е. СПб.: ООО «Студия НП-Принт», 2010. 484 с.
- Васильев К. В.* Истоки китайской цивилизации / Под ред. Т. В. Степугиной. М.: Вост. лит., 1998. 319 с.
- Васильев Л. С.* Корифей русского китаеведения // История и культура Китая: Сб. памяти академика В. П. Васильева. М.: ГРВЛ, 1974. С. 7–19.
- Грубе В.* Духовная культура Китая // История Китая: Духовная культура Китая. М.: Еврo-линц, 2003. С. 103–213.
- Дацышен В. Г.* Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в.): Учеб. пособие / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 214 с. (Библиотека Класса Конфуция).
- Казин М. И.* Избранное / Под ред. В. С. Мясникова. М.: Памятн. ист. мысли, 2009. 431 с.
- Крюков В. М.* Неумолимый червь познания: избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М.: Памятн. ист. мысли, 2009. 677 с.
- Паркер Э. Х.* Татары: История возникновения великого народа / Пер. с англ. Т. Любовской. М.: Центрполиграф, 2010. 224 с.
- Проблема перевода и адаптации классической китайской литературы: Метод. указания / Сост. С. А. Комиссаров. Новосибирск, 2009. 19 с.
- Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения / Под ред. В. С. Мясникова. М.: ГРВЛ, 1977. 505 с.
- Тихвинский С. Л.* Академик В. М. Алексеев и его школа // Восток – Запад: Ист.-лит. альманах: 2003–2004. К 85-летию С. Л. Тихвинского. М.: Вост. лит., 2005. С. 11–24.
- Янь Годун.* Китайские преподаватели в Санкт-Петербургском университете до 1917 года // Институт Конфуция: 孔子学院 (СПб.; Пекин). 2012. № 2. С. 23–26.
- Parker E. H.* A Thousand Years of the Tartars. [L.]: Routledge, 1997. 308 p.

Материал поступил в редколлегию 30.07.2012

Sergei A. Komissarov

ON THE MEANING OF HISTORIOGRAPHY IN THE STUDYING OF BIBLIOGRAPHY

The article presents author's appraisal of the Academician V. M. Alekseev's recently published book («The working bibliography of sinologist»), and the role it plays in the history of Russian Oriental studies.

Keywords: bibliography, sinology, historiography, studying of Chinese language and culture, the school of Alekseev.